

Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России

КОНСТАНТИН Ф. СЕДОВ

(Саратов)

Российская генристика к нынешнему моменту своего развития много сделала для разработки теоретических принципов речевой типологии и детального описания жанров, наполняющих пространство повседневной коммуникации. Одна из важных задач, которые стоят перед нею сейчас, – создание энциклопедии речевых жанров современного русского этноса. К настоящему времени антропологистика накопила довольно значительный багаж монографических исследований конкретных жанров персонального личностного общения, которое предстает в виде «бесконечного и нерасчлененного потока языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования» (Гаспаров 1996: 5). Исследованы и описаны жанры семейной беседы (Рытникова), ссоры, болтовни (Седов), светского общения (Стернин 1996; Дементьев 2000; Милехина 2001), осуждения, обвинения (Дубровская 2003) похвалы, комплимента, одобрения (Хорешко 2005) и мн. др. Однако проблема исследования жанров нейтрального «праздноречевого» общения пока еще далека от окончательного решения.

Напомним, что под термином *речевой жанр* мы понимаем вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Нам уже приходилось сравнивать континуум

повседневного общения с живым, развивающимся телом, в котором есть свой верх – жанры риторические – и низ – жанры бессознательные, помимовольные. При этом, продолжая метафору, если социальное бытие людей – это плоть жанра, то текстовое сопровождение ситуаций социального взаимодействия – его кожа, которую невозможно безболезненно отделить от плоти. В рамках социопрагматического анализа речевых жанров важную роль играют и такие категории генристики, как субжанр и внутрижанровые тактики. Субжанры – минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выс тупают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции.

Важно понимать, что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которое говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т.д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центри рованную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллокуция) высказывания (см.: Горелов, Седов 2004).

Единый континуум повседневного общения представляет собой систему текучих, меняющихся во времени и в пространстве форм речевого поведения, которые способны мгновенно реагировать на любое изменение в структуре социального взаимодействия внутри того или иного этноса. Нам уже приходилось определять место жанров повседневного общения в континууме, координаты которого составляют информатика и фатика (подробнее см.: Дементьев, Седов 1999). Для наглядности многообразия форм фатической коммуникации, вслед за В.В. Дементьевым (2000), представим на оси между полюсами положительных и отрицательных интенций (ухудшение, улучшение и сохранение межличностных отношений).

Фатика отрицательная диссонанс (-)	Фатика нейтральная 0	Фатика положительная унисон (+)
---------------------------------------	-------------------------	------------------------------------

Основными жанрами нейтрального фатического (по преимуществу) общения в русской лингвокультуре, по нашему убеждению, следует считать жанры, которые в генристике чаще называют терминами *болтовня*, *разговор по душам* и *светская беседа*. Вместе они образуют своего рода семантический треугольник, в котором каждый жанр противопоставлен двум другим по одному основанию. Многообразие промежуточных праздноречевых жанровых форм (а к ним нужно отнести и семейное, и все виды дружеского общения, и гипержанр «застолье» и мн. др.) составляет промежуточные (протожанровые) формы фатического поля повседневного общения.

Выделяемое нами жанровое образование соотносимо с тем, что в западной традиции получило наименование *small talk*, который «восходит к ценностям и идеологии рыцарского этоса в британской культуре (в частности, концепту “gentleman”, “gentlemanliness”» (Фенина 2005: 49). Однако *small talk* больше соотносим с жанрами, которые получили в отечественной традиции название *болтовня* и *светская беседа*. Для объекта нашего рассмотрения лучше подходит термин, используемый в типологии А. Вежбицей, – *разговор* (*rozmowa*). Его семантика в терминах семантических примитивов выглядит следующим образом:

«говору: ...

говору это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу
думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу»

(Вежбица 1997: 106).

В генристике пока еще нет единой общепринятой терминологии в обозначении исследуемых жанров (*бытовой разговор*, *болтовня*, *сплетничание* – ? *светская беседа*, *салонный разговор*, *публичный полилог* – ? *разговор по душам*, *дружеская беседа* – ? и т.п.). В своих терминологических предпочтениях мы следуем сложившейся традиции. Однако, возможно, было бы логичным упорядочить обозначения рассматриваемых жанров, добавляя определение к слову «разговор»: *болтовня* = *бытовой разговор*, *светская беседа* = *публичный разговор* и, соответственно, – *разговор по душам*.

По нашему мнению, *разговор* представляет собой некий инвариант рассматриваемых жанровых форм: *болтовни, разговора по душам, светской беседы*. Все названные жанры объединяет общность коммуникативного намерения – стремление к коммуникативному контакту. В этом, если так можно выразиться, состоит общая стратегия их внутривидовой интеракции. Отличия между жанрами затрагивают иные уровни коммуникации: во-первых, характер коммуникативной ситуации, во-вторых, тематическое наполнение дискурса, в-третьих, тактические повороты в разворачивании сюжета, наконец, в-четвертых, разное концептуальное наполнение общения.

Социопрагматические отличия в природе рассматриваемых жанров позволяет лучше понять транзакционный анализ, разработанный американским психологом Э. Берном (1997). Концепция ученого опирается на созданную им модель статусно-ролевого взаимодействия людей. «Каждый человек, – утверждает исследователь, – располагает определенным, чаще всего ограниченным репертуаром состояний своего Я, которые суть не роли, а психологическая реальность. Репертуар этих состояний мы попытались разбить на следующие категории: 1) состояния Я, сходные с образами родителей; 2) состояния Я, автономно направленные на объективную оценку реальности; 3) состояния Я, все еще действующие с момента их фиксации в раннем детстве и представляющие архаические пережитки» (Берн 1997: 15). Это, условно говоря, Родитель (Р), Взрослый (В), Дитя (Д). В каждый момент своей жизни индивид испытывает одно из этих Я-состояний. Дитя – источник наших желаний, влечений, чувств. Здесь радость, интуиция, творчество, фантазия, любознательность, страхи, капризы. Родитель – другой полюс личности. Это авторитетное, или даже авторитарное, начало, носитель незыблемых моральных правил и этикетных норм, диктующих, как именно нужно поступать в конкретной ситуации. Взрослый – носитель рационального начала. Эта ипостась личности отвечает за беспристрастный анализ любой жизненно важной информации. Взрослый контролирует действия Родителя и Дитя, выступая посредником между ними.

Три составляющие нашего сознания ярче всего проявляют себя в межличностной коммуникации. Общаясь, мы невольно надеваем одну из трех масок. И то, какое Я-состояние возьмет в нас верх, в немалой степени зависит от статуса нашего собеседника и особенностей коммуни-

икативной ситуации. Однако и в рамках принятой роли есть возможность выбора той или иной речевой стратегии. Рассматриваемые нами жанры фатического общения соответствуют разным Я-состояниям сознания участников коммуникации. Схематически это можно выразить следующим образом.

Р — Светская беседа.

В — Разговор по душам.

Д — Болтовня.

Болтовню от других родственных жанров отличает особая прагмативно-информационная установка: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации.

Дополняя определение разговора А. Вежбицкой, мы определяем болтовню следующим образом.

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу
думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу
думаю, что мы не хотим говорить о серьезных вещах.

Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, поверхностное, скользящее по ассоциативному принципу дискурсивное поведение. Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а легко коснувшись их, перескакивать на другие. Это связано с глобальными неосознанными коммуникативными намерениями, общей иллюзивной модальностью говорящих: разговор идет не только ради получения информации, но ради утверждения социальной полноценности, получения психологических поглаживаний иногда от, иногда за счет собеседника. Иными словами, темы и конкретные мотивы участников общения не вполне ими осознаваемы. Основной принцип тематического движения определяется принципиальной незаданностью

общения. Темы меняют одна другую по ассоциативному принципу. При этом говорящий не вполне знает, что он будет говорить в следующую минуту.

Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент болтовни, записанной при помощи скрытого магнитофона.

(Пресуппозиция: общаются две тридцатилетние женщины, которые не виделись около трех месяцев. А (коммуникативный лидер) приехала в гости к Б, чтобы посмотреть новую квартиру. Фрагмент представляет собой продолжение диалога, начатого на кухне)

А – (входя из кухни в комнату) У вас что/ кресло новое?// Вроде бы/ одно было раньше//

Б – Да нет/ оно просто/ в другом месте стояло//

А – (подходя к окну) Ой/ глянь-ка/ у вас из окна что.../ кино.../ кинотеатр?// Да кстати/ а Наталья Ш./ она что/ как у нее с квартирой?//

Б – Они сейчас/ изо всех сил обменом занимаются// Варианты отрабатывают//

А – Интересно/ откуда деньги у них?//

Б – Да это мать мужа В./ дала...//

А – Ну/ не знаю/ не знаю// Да/ ты знаешь/ кого я недавно встретила?// Сережку/ Лилькиного мужа// (Пресуппозиция: Сережка – общий знакомый А и Ш.) Предста вля-ешь/ в поликлинике// Иду по коридору/ смотрю/ лицо знакомое// Сережка// Ба...// Лилька бедная// Она так второго ребенка и не родила// Он не хочет// (...) (поднимает глаза на картину, висящую на стене) А эта сейчас где?// (Пресуппозиция: имеется в виду автор картины, художница Л, подруга Б) Она говорят/ в Москву переехала// С мужем вроде разошлась// Там говорят/ молодого нашла// Правда что ль?//

Б – Правда//

А – Ба!// Некрасивая такая// Кто бы подумал// Роковая женщина// И что/ картины ее покупают?//

Б – Не то слово// Не за рубли/ за баксы//

А – Да ты че?!//... А что эт у тебя/ новая (показывает на сумочку, висящую на стуле)// Я раньше не видела// Давно купила?//

Б – Да она у меня уже сто лет// Я ее просто не ношу// Она по цвету ни к чему не подходит//...

Приведенный дискурс наглядно показывает природу формирования высказывания и логику тематического развития интеракции. Разговор начинается с тактики вопроса по поводу предметов, присутствующих в поле зрения (кресла, кинотеатра, виденного из окна комнаты), затем по ассоциации с видом из окна новой квартиры – новая тема (возможность приобретения квартирой общими знакомыми). Появляется иная внутр-жанровая тактика – рассказ об отсутствующем лице. Далее опять-таки

– ассоциативный переход к следующей тактике (новому субжанру) – рассказу о событии, участником которого стала А. (о встрече с Сережкой, Лилькиным мужем). Следующий субжанр рождается от случайного взгляда, который коммуникативный лидер бросает на стену, где висит картина Л.), тактику рассказа меняет тактика сплетни о женитьбе и разводе художницы (информация из недостоверных источников). И опять – быстрый переход к вопросу о визуально зримом предмете (сумочке). Каждая тема возникает в болтовне случайно; с той же долей вероятности ход разговора мог изменить свое течение, затронуть другие столь же необязательные темы. Ядерными субжанрами болтовни, определяющими ее основные тактики, следует считать *рассказ об увиденном, рассказ об отсутствующем лице и сплетню*. К ним можно добавить такие факультативные субжанры, как *комплимент, колкость, просьбу, утешение, подтверждение, инвективу, поучение* и т.п.

Болтовня – первичный (нериторический) речевой жанр. Это форма построения дискурса, которой говорящего специально никто не обучает. К ней больше всего подходят слова М.М. Бахтина: «Родной язык не принимается людьми, – в нем они впервые пробуждаются. Процесс усвоения родного языка ребенком есть процесс постепенного вхождения ребенка в речевое общение. По мере этого вхождения формируется и наполняется содержанием его сознание» (Бахтин 1998: 376). Этот речевой жанр может быть сопоставлен с ролевым Я-состоянием Дитя потому, что он сопровождает ситуацию неофициального и непубличного взаимодействия коммуникативных партнеров. Такое общение не предъявляет больших требований к соблюдению норм, а строится по принципу экономии языковых усилий, где эмоциональное заражение собеседника играет едва ли не более важную роль, нежели адекватная передача информации.

Болтовня – речевой жанр, реализация которого в реальном дискурсивном поведении дает самые широкие возможности для самопрезентации говорящего. Иными словами, как показывают наши наблюдения, в болтовне языковая личность максимально отчетливо раскрывает особенности своего идиостиля: и по степени кооперации (конфликтная, центрированная или кооперативная) и по критерию поведения в конфликтной ситуации (куртуазная, рационально-эвристическая, инвективная). Бытовой разговор на уровне порождения высказывания

не имеет четко определенной оценочной установки. Именно эта черта русской болтовни не дает возможности четко определить ее концептуальное наполнение.

Принципы построения болтовни становятся строительным материалом для формирования законов этикетного светского общения. Интерес к светскому общению закономерен: он обусловлен поиском новых (или реконструкцией когда-то забытых старых) способов вербального оформления вновь возникающих ситуаций социального взаимодействия людей. Термин *светская беседа* используется нами за неимением другого. Он неоднократно подвергался критике на том основании, что в социуме, где нет «света», не может быть светской беседы. В качестве возражения обычно приводится мысль о том, что словосочетание светское общение (светская беседа) образован не от слова «свет», а от прилагательного «светский». Как бы там ни было, но феномен, обозначаемый термином *светская беседа*, сейчас нарождается на наших глазах. Он нуждается в исследовании, результаты которого имеют практическое значение. Сюда можно с той или иной долей спорности отнести кулуарное общение на научной конференции, неофициальный разговор на разного рода презентациях и торжественных собраниях, разговор преподавателей на кафедре или учителей в учительской, на темы, не связанные с профессиональной деятельностью и т.п.

Прежде всего, светская беседа – риторический жанр (вторичный по сравнению с первичным жанром *болтовни*). По определению И.А. Стернина, светская беседа – «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» (Стернин 1996: 3). К прагматическим параметрам этого жанра нужно отнести неофициальный, но публичный характер общения. Публичность понимается обычно как присутствие массового адресата речи. По справедливому мнению В. Барнета, «фактор публичности – непубличности не имеет характера бинарного противопоставления, а скорее представляет собою два крайних полюса, между которыми признак публичности может проявляться с нарастающей или убывающей силой» (Барнет 1985: 89). Светская беседа характеризуется признаками достаточно высокого уровня публичности, что предполагает более значительную меру осознанности в употреблении языковых средств,

нежели жанры речи непубличной. В качестве примера, илл юстрирующего жанр сетской беседы, приведем фрагмент запись радиointервью А. Агамирова с Игорем Моисеевым.

А.А. Когда Вас посетила мысль/ создать Ваш ансамбль? ... Были года/ которые не располагали к этому//

И.М. Подъем нашего балета/ как и в других областях/ он поднимался по ступенькам неудач// каждая неудача/ это и урок//

А.А. Игорь Алексаныч/ Вы не будете возражать/ если я перемену форму беседы? Послушаем/ что хотят спросить радиослушатели...

Слушатель: Добрый вечер/ здравствуйте// Это Екатерина Владимировна Вас беспокоит// Как обстоят дела сейчас с нашим балетом?

И.М. Я думаю/ что положение дел таково// Русские исполнители сейчас считаются лучшими в мире...

А.А. Я имел счастье видеть спектакли Вашей школы-студии... (Цит. по: Голанова 1996: 433)

Овладение нормами светской беседы требует специального обучения, результатом которого становится некоторая искусность в использовании языковых средств (сюда мы отнесем знание ортологических, стилистических и этикетных норм, умение использовать в интеракции тропы, элементы языковой игры, шутки и т.п.). Высокие требования к употреблению языковых и речевых норм позволяют сопоставить этот тип коммуникации с транзакциями, реализуемыми в ролевом Я-состоянии Родитель.

Важной социолингвистической чертой светской беседы (и светского гипержанра в целом) является то, что это фатическое общение языковых личностей, которые принадлежат к образованным социальным слоям общества. Рискнем в качестве необходимого компонента коммуникативной ситуации светской беседы ввести установку на коммуникативного партнера – интеллигентную (светскую) даму. Указанный параметр позволяет отличать исследуемый жанр от сходных объектов (например, разговора в пивной или в бане).

К психолингвистическим характеристикам жанра светской беседы следует отнести высокую степень заданности в порождении речи. При том, что интеракция в рамках жанра развивается (в соответствии с общеродовым типом жанровых форм *small talk*) на основе спонтанного ассоциативного политематического полилога, говорящие должны осознанно контролировать свою речь на уровне тематического отбора

(исключаются скабрзные, интимные, профессиональные и т.п. темы). Не менее важным условием выступает требование соответствия речевых норм нормам этическим (оно должно проявляться главным образом в стремлении избегать конфликтных речевых тактик: оскорблений, обвинений, упреков, колкостей и т.д.).

В.В. Фенина в качестве основного концепта светской беседы предлагает считать концепт «светский человек». На наш взгляд, таким концептом является концепт «вежливость». Вежливость, как основной семантический принцип светского общения, строится на основе демонстрации «уважения к партнеру по коммуникации, которое выражается в доброжелательном отношении к нему и уместном обращении, соответствующем его личностным и статусным позициям» (Шамьенова 2001: 181). Приведем еще один пример проявления светскости в дискурсе СМИ. На этот раз – это фрагмент телепередачи «Дневной киносеанс».

А. – В этом фильме / в эпизоде / правда / впервые / по-моему / снялся Женя Урбанский / как всегда такой страстный / ...И я знаю / что ты имела большое отношение к Жене Урбанскому / Вот расскажи / если это возможно / каким он был в жизни вообще //

Б. – Ну / Наташенька / большое значение / это брак //

А. – Ну да / я просто не смела это называть //

Б. – ...Знаешь / как говорила древняя нация англичане / актриса это чуть больше чем женщина / а актер это чуть меньше чем мужчина / я не знаю / так не так / я не хочу никого обидеть... / Но вот Женя был (мужественный человек)... / и такое самоутверждение Жени / это стремление всё самому делать в жизни...

А. – ...Спасибо / Танюша / и я хочу пожелать тебе здоровья еще на долгие годы / хоть мы в России проживаем один год за несколько / у нас все так быстро меняется... / чтобы актриса такого масштаба как ты все-таки нашла (место в современной жизни) – здесь и далее в квадратных скобках помещено то, что было сказано неразборчиво.

Б. – Ну ты совсем меня захвалила / и я тоже не могу не воспользоваться этой минутой / Наташенька / когда я вижу тебя на экране / я магнитизируюсь / как кролик / я смотрю на тебя не отрываясь / и тоже хочу тебе / тоже самого пожелать

А. Ну я не ставлю точку на своей карьере / и надеюсь / что / хотя и сомневаюсь иногда

Б. Ну сомневаться / это естественно... и т.п. (Цит. по: Шамьенова 2001: 183).

Попытаемся дать определение светской беседы в категориях семантических примитивов А. Вежбицкой.

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что мы оба хотим вежливо общаться и соблюдать приличия.

Жесткие коммуникативные рамки, которые накладывает на языковую личность светская беседа, ограничивает ее возможности для самопрезентации. Нормативное светское общение может быть реализовано лишь в типе дискурса, который обозначен нами как кооперативно-конформный (см.: Седов 2001).

Если болтовня и светская беседа представляют собой рифмующиеся по принципу первичных и вторичных жанров модели построения дискурса, то жанровое образование, которое получило название *разговора по душам* противостоит им обоим на основе другого параметра. Центральным концептом, отражающим семантику русского разговора по душам, будет концепт «искренность». Это модель общения, которую трудно (прежде всего по этическим соображениям) зафиксировать средствами аудиовизуальной аппаратуры.

Жанр нельзя отнести к разряду риторических жанров. Основные характеристики коммуникативной ситуации, в которой происходит его реализация, – неофициальность и непубличность – в целом соответствуют ситуации болтовни. Более того, два рассматриваемых нами жанра могут полностью совпадать по тематическому содержанию разговора. Однако любой носитель языка укажет на различия в смысловой и эмоциональной природе протекания интеракции в рамках этих фатических жанров.

По нашему мнению, жанр разговора по душам является вторичным (по сравнению с болтовней) жанром. Так же как и светская беседа, он строится на материале болтовни. Главное отличие от первичного жанра – в том, что в основе разговора по душам лежат принципы, названные нами кооперативно-актуализаторскими. В этом случае говорящий руководствуется основной установкой в общении, которую можно определить как *стремление поставить себя на точку зрения собеседника*, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. Рискнем квалифицировать такой тип общения, как соответствующий основному постулату христианской морали («возлюбить ближнего как самого себя»). Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на коммуникативного партнера но и на себя. Точнее – стремление *возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику*, умение настроиться на его «волну». При этом кооперативный актуализатор, ув-

ажая мнение другого участника общения, сопереживая его проблемам, вовсе необязательно должен во всем с ним соглашаться. Более того, как это ни парадоксально, в некоторых случаях поведение актуализатора может напоминать методы манипулятора и, даже, агрессора.

Рискну высказать предположение о том, что именно разговор по душам (а не светская беседа) выступает речевым фреймом, с которым в русском языковом сознании (в отличие, например, от польского, где наблюдается тяготение к светскому общению) связано представление о коммуникативном идеале в рамках повседневной коммуникации. Такого типа коммуникации часто становятся предметом изображения в русской классической литературе. Их можно проиллюстрировать словами героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Шатова, которые он обращает к Ст-аврогину:

Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий (Достоевский VII: 260).

Анализ конкретного речевого материала показал, что разговор по душам, соответствующий этому уровню коммуникативной компетенции тоже довольно отчетливо различается по идиостилевым особенностям. При этом критерием такой различия выступает и довольно сложное соотношение языкового своеобразия речевого поведения как адресанта, так и адресата коммуникации.

- Слушай/ я в шоке/ мне не приходит утверждение!
- Ну/ ты подожди// Рано паниковать// Оно не сразу приходит// Ирка вон/ целый год ждала// А сейчас и вовсе/ в ВАКе там сейчас/ все меняется//
- Ой/ не знаю// У меня всегда все не по-людски// Всем приходит/ а меня могут не утвердить//
- Да нет// Так не бывает// Успокойся// Ты уже кандидат// Степень не ВАК/ а совет присуждает//
- Ты думаешь?..
- Ну хочешь/ я позвоню в ВАК?// Я спрошу у О.Б. телефон...

Главное отличие разговора по душам от сходных речевых жанров – это неформальный характер коммуникации. В качестве основных тактик, определяющих повороты в развитии сюжета интеракции, можно указать на *исповедь, сочувствие, сопереживание, одобрение, критику,*

построение силлогизмов и т.д. Это общение аналитического типа, что позволяет сближать его с транзакциями на уровне Я-состояния Взрослого.

В категориях семантических примитивов А. Вежбицкой разговор по душам будет иметь следующий вид:

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что мы будем говорить о том, что каждого из нас по-настоящему волнует.

Проблемы речевых жанров, составляющих центр повседневной фатической нейтральной коммуникации, нуждаются в дальнейшем детальном и всестороннем исследовании. Его насущность диктуется и потребностями таких научно-практических сфер гуманитарной мысли, как неориторика и теория речевого воздействия. Усилия современной неориторики сосредоточены на том, чтобы создать модель оптимального цивилизованного эффективного взаимодействия членов социума. Принципы же коммуникации, составляющие основу светского общения, разговора по душам выступают отражением многих востребованных ныне норм русского толерантного неофициального социального взаимодействия членов социума, т.е. именно такого взаимодействия, какое сейчас должно стать образцовым в нашем обществе. Обращение к разным моделям неофициальной коммуникации позволяет лучше и полнее понять особенностей русского языкового сознания и русской языковой картины мира.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1992, *Жанры общения – Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*, Москва.
- Барнет Вл., 1985, *Проблемы изучения жанров устной научной речи – Современная русская устная научная речь*, Красноярск, Т. 1.
- Бахтин М.М., 1996, *Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста – Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т.*, Москва. Т. 5.
- Бахтин М.М., (Волошинов В.Н.) 1998, *Марксизм и философия языка – Бахтин М.М. Тетралогия*, Москва.

- Берн Э., 1988, *Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы*, Москва.
- Вежбицка А., 1997, *Речевые жанры – Жанры речи*, Саратов. Вып. 1.
- Гаспаров Б.М., 1996, *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва.
- Голанова Е.И., 1996, *Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца столетия (1985 – 1995)*, Москва.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. 2004, *Основы психолингвистики*, Москва.
- Дементьев В.В., 2000, *Непрямая коммуникация и ее жанры*, Саратов.
- Дементьев В.В., Седов К.Ф. 1999, *Теория речевых жанров: социопрагматический аспект*, «Stylistyka» VIII.
- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Милёхина Т.А., 2001, *Светская беседа – Хорошая речь*. Саратов.
- Рытникова Я.Т., 1996, *Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра: Дис. ... канд. филол. наук*, Екатеринбург.
- Седов К.Ф., 1999, *О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности – Жанры речи*, Саратов. Вып. 2.
- Седов К.Ф., 2001, *Жанр и коммуникативная компетенция – Хорошая речь*, Саратов.
- Седов К.Ф., 2001а, *Жанры повседневного общения и хорошая речь – Хорошая речь*, Саратов.
- Сиротинина О.Б., 1999, *Некоторые размышления по поводу терминов “речевой жанр” и “риторический жанр” – Жанры речи*, Саратов. Вып. 2.
- Стернин И.А., 1996, *Светское общение*, Воронеж.
- Фенина В.В., 2005, *Речевые жанры small talk и светская беседа в англоамериканской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук*, Саратов.
- Хорешко О.Н., 2005, *Жанровый аспект положительной оценки лица: Автореф. ... дис. канд. филол. наук*, Саратов.
- Шамьенова Г.Р., 2001, *Вежливость как качество хорошей речи – Хорошая речь*. Саратов.

The Neutral Genres in the Communicative Space of Modern Russia

The article is devoted to research into speech genres which belong to the neutral zone of everyday phatic communication (boltovnnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham). The author presumes that all the three genres are the variants of one invariant form – razgovor (razgovor bytovoy, razgovor svetskiy and razgovor po dusham). Each of the genre forms analyzed is consonant with communication in diffe-

rent “I” states described by Eric Bern: *boltovnya* – communication at the level of a “Child”, *svetskaya beseda* – a “Parent”, *razgovor po dusham* – an “Adult”. *Boltovnya* is the primary speech genre, while the two others are secondary to it. At the level of speech production *boltovnya* includes the intention of an easy, superficial discursive behavior. The main principle of theme moving is defined here by non-determinacy of communication. The central subgenres of *boltovnya* defining its main tactics are *rasskaz ob uvidennom*, *rasskaz ob otsutstvuyushchem litse* and *gossip*. We have to add to them such facultative genres as compliment, *kolkost'*, request, consolation, affirmation, invective, *poucheniye* ect. *Bytovoy razgovor* at the level of speech production does not have a clear value intention. Just this feature of Russian *boltovnya* doesn't allow to define its conceptual content clearly. *Svetskaya beseda* is a rhetoric genre (in comparison to the primary genre *boltovnya*). It reflects the cooperative-conformist's type of communication. Pragmatic parameters of this genre include non-official but public character of communication. Psychological parameters of the *svetskaya beseda* genre include the high grade of determination in speech production. The main semantics of the *svetskaya beseda* genre is determined by the concept of politeness (demonstration of respect to a communicative partner expressed in benevolence towards him). The *razgovor po dusham* genre is a secondary genre (when compared to the primary genre *boltovnya*). It is based on the principles of the so-called cooperative-actualizator's type of the communication (an intention to stand at your communicative partner's point of view, to put yourself in his/her shoes), the semantics of which is reflected in the “sincerity” concept. This genre alone corresponds with the concept of a communicative ideal within everyday communication that Russian people have.

Key words: *everydays communication, speech genre, razgovor, boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham, politeness, sincerity.*